

0095

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кара Колтер

ДЕСЯТЬ СЛАДКИХ СВИДАНИЙ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кара Колтер

Десять сладких свиданий

«Центрполиграф»

Колтер К.

Десять сладких свиданий / К. Колтер — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Юный Брэнд постоянно защищал свою чудаковатую соседку Софи от местных хулиганов и всячески опекал ее. Прошло много лет, и однажды сотрудник специального антитеррористического подразделения Брэнд Шеридан приезжает в родные края в отпуск. Там он выясняет, что Софи снова влипла в историю...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кара Колтер

Десять сладких свиданий

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

– Вижу, ты избавился от длинных волос в стиле хиппи, сбрил щетину и вынул серьгу из уха, Шеридан.

– Да, сэр. – Брэнд так долго жил под чужим именем, что ему было нелегко откликаться на свое собственное.

– Ты уже не похож на него, – одобрительно кивнул его босс. – Брайан Ланкастер мертв. По легенде, его личный самолет потерпел крушение над Средиземным морем при странных обстоятельствах. Никто из уцелевших после операции «Крутой лейтенант» не спросит, почему мистер Ланкастер не вошел в число двадцати трех преступников, задержанных в семи странах. Прекрасная работа, Шеридан! Кто бы мог предположить, чем все закончится, когда ты откликнулся на объявление в Интернете? Благодаря тебе, ГНР заработала по-новому.

ГНР, Группа Немедленного Реагирования, представляла собой антитеррористический отряд, состоящий из специально обученных людей. Брэнд, зачисленный туда после окончания службы на военно-морском флоте, обладал физической мощью и бесстрашием, знал несколько иностранных языков. Эти достоинства позволили ему стать одним из лучших бойцов.

Его отклик на объявление о продаже за пределами Европы строго засекреченного оружия, помещенное в Интернете, изменил все. Брэнд погрузился в мрачный мир, исполняя роль отчасти полицейского, отчасти солдата, отчасти шпиона, отчасти детектива.

Он справился. По правде говоря, Брэнду нравились трудные задания, где требовались физическая подготовка, выносливость, а также мгновенная реакция и способность предвидеть развитие ситуации.

– Слушай, хотя Ланкастер официально мертв, нам нужно довести дело до конца, – продолжал его начальник. – Возможно, остались случайные свидетели. Тебе необходимо ненадолго залечь на дно. Есть у тебя такое местечко?

Брэнд Шеридан отлично знал, где именно ему удастся залечь на дно. Там никто не слышал о Брайане Ланкастере. Тенистые улочки с высаженными вдоль них деревьями... Там никто не запирает двери в домах, а по ночам в воздухе витает аромат петуний, цветущих в горшках на подоконниках... Самое большое событие – матч малой бейсбольной лиги для подростков в парке Харрисон в пятницу вечером...

Это место околдовывало Брэнда, однако в молодости он не мог дожидаться, когда уедет оттуда.

По правде говоря, он боялся возвращаться. Но не ехать нельзя.

– Мне вроде бы положен отпуск, сэр, – сказал Брэнд, явно преуменьшая свои заслуги. Он работал под прикрытием четыре года. Чем дальше заходила операция, тем меньше у него было шансов отдохнуть.

Босс с подозрением посмотрел на него.

– Мне нужно домой, – пояснил Брэнд.

Правда, понятие «дом» стало для него чужим, как и собственное имя.

– Там безопасно?

– Если и есть место, где меньше всего шансов наткнуться на тех, кто ищет Брайана Ланкастера, так это Шугар-Мейпл-Гроув.

– Городишко с одной лошадкой на всех?

– Лошадей нет вовсе, – сухо заметил Брэнд. – Зато, насколько мне известно, там по-прежнему работает автомат для продажи газированной воды, а дети ездят в школу на велосипедах. Единственный праздник – это ежегодный конкурс палисадников и шоу роз. – Он помедлил. – Мне звонила сестра. По ее словам, отец плохо себя чувствует после смерти моей матери. Мне нужно провести его.

Хотя мистеру Шеридану визит сына определенно не придется по душе...

– Твоя мать умерла, когда ты был на задании?

В тот год, к радости и гордости его матери, ее палисадник был признан самым красивым, а за розы она получила приз.

– Да, сэр.

– Мне жаль. Мы не могли отозвать тебя.

– Такова моя работа, сэр.

Особенности работы Брэнда были ясны лишь сотрудникам ГНР. Его отец, провинциальный врач, не очень понимал своего сына.

– Ты хорошо потрудились, – произнес босс. – Отменно. Тебе вынесут благодарность.

Брэнд промолчал. Он жил в мире тайн, где раздают награды за умение притворяться, предавать тех, с кем подружился, тех, кто доверял тебе. За что ему вынесут благодарность? Он испытывал смешанные чувства по поводу собственных поступков. Гордиться собой ему не хотелось...

Честно говоря, Брэнд не стремился возвращаться в Шугар-Мейпл-Гроув. Отец справедливо злился на него. Но в то же время он ощущал, что его непреодолимо влечет в городок.

– В Шугар-Мейпл-Гроув я улажу дела за неделю, максимум за две, – обещал Брэнд.

– Даю тебе месяц. За это время нам удастся обезопасить твое дальнейшее существование. Месяц в Шугар-Мейпл-Гроув?!

Брэнд не рассчитывал надолго застрять в городке. Чем он там будет заниматься?

Но не спорить же с боссом.

– Да, сэр, – ответил он, решив, что хотя бы выпится.

Глава 1

Черное как смоль летнее ночное небо было усеяно I звездами. Время от времени падающие звезды вспыхивали, а затем навсегда исчезали. Это была идеальная ночь для прощания.

– Прощайте! – громко произнесла Софи Хольцхайм. – Прощайте, глупые романтические мечты.

Голос ее звучал уныло. То был голос девушки, которая прощается с будущим.

Софи стояла на заднем дворе дома своего пожилого соседа. Воспользовавшись его отсутствием, она развела огонь в костровой яме. Кроме того, здесь ее никто не мог увидеть.

Дом Софи, построенный в 1930 году, был окружен лишь живой изгородью, а ей не хотелось, чтобы кто-нибудь, решивший поздно вечером выгулять собаку, заметил языки пламени и женщину в белом платье, разговаривающую сама с собой.

Давайте взглянем правде в глаза: если в субботу ночью женщина в подвенечном платье торчит во дворе одна, значит, она не желает, чтобы ей помешали. И еще ей надо пресечь распространение сплетен.

А последние полгода Софи Хольцхайм давала достаточно поводов для сплетен.

Глубоко вздохнув, Софи разгладила руками белое шелковое платье. Оно ей нравилось: V-образный вырез декольте, чуть расклешенная юбка до пола.

– Я никогда не пойду к алтарю в этом платье. Софи надеялась, что, когда она произнесет эту фразу вслух, ей немного полегчает, но напрасно.

Вздохнув, Софи открыла коробку, стоящую рядом, и рассмотрела ее содержимое.

– Прощайте, – прошептала она.

Это была коробка со свадебными принадлежностями. Там лежали образцы приглашений на свадьбу, эскизы платьев подружек невесты, журнальные вырезки, рассказывающие, как украшать помещение цветами и сервировать стол, туристические брошюры, рекламирующие места для незабываемого медового месяца.

Софи заставила себя взять образец свадебного приглашения, лежащий сверху.

– Не читай его, – приказала она себе. – Брось в огонь.

И естественно, поступила иначе. В мерцающем свете костра, разведенного во дворе доктора Шеридана, Софи провела пальцами по открытке кремового цвета.

– В этот день, – прочитала она вслух, – двое соединятся. Мистер и миссис Гамильтон приглашают вас на праздник любви, ибо их сын Грегг сочетается узами брака с мисс Софи Хольцхайм.

Сдавленно всхлипнув, Софи бросила приглашение в огонь и смотрела, как его края обугливаются и сворачиваются, а затем оно поглощается пламенем.

Грегг отказался соединить свою судьбу с мисс Софи Хольцхайм. Он предпочел ей Антуанетту Робертс.

Несколько месяцев Софи надеялась, что все изменится к лучшему и Грегг образумится.

Однако надежды развеялись в тот день, когда ей вручили только что отпечатанное приглашение, где невестой была названа Антуанетта.

Это было приглашение на помолвку в шикарный особняк родителей Грегга, расположенный на окраине Шугар-Мейпл-Гроув.

Они с Греггом тоже были помолвлены, однако не праздновали это событие. Странно, но Софи стало немного обидно, что новая невеста получила больше привилегий.

Мысль об этом стала последней каплей. Слезы сами потекли из глаз молодой женщины. Хорошо, что она не накрасилась, готовясь к церемонии прощания с надеждами и мечтами.

Как Клаудиа Гамильтон, мать Грегга, посмела так поступить с ней? Очень жестоко приглашать ее на помолвку, где все жители городка познакомятся с женщиной, занявшей место Софи.

Однако несостоявшаяся свекровь, которая когда-то изучала журналы свадебной моды вместе с Софи, объяснила ей свои мотивы:

– Там соберется весь город. И ты должна прийти. Так будет лучше для тебя. С Греггом вы расстались уже несколько месяцев назад. Неужели ты хочешь выглядеть жалкой? Постарайся появиться на торжестве не одна. Попробуй выглядеть так, словно ты продолжаешь смотреть в будущее.

По правде говоря, смотреть в будущее Софи совсем не хотелось.

– Недопустимо, чтобы люди вечно судачили о том, как Грегг разбил сердце любимице горожан. Это повредит адвокатской карьере Грегга и Тони. Несправедливо, если его будут считать злодеем, ведь так, Софи?

Верно, несправедливо. Софи сама разрушила свою жизнь.

– Жаль, что я не могу повернуть время вспять, – прошептала она, вытирая потоки слез. Жаль, что ей не вернуть сказанных слов.

Она возрождала их в памяти снова и снова, бросая в костер листочек с эскизом свадебного торта: три яруса, желтые розочки по бокам.

– Грегг, – заявила Софи, когда жених после каникул возвращался в юридический университет и настойчиво просил ее назначить день свадьбы, – мне нужно подумать.

Теперь она может думать всю оставшуюся жизнь, поскольку отказалась от всего из-за собственной трусости.

Правда заключалась в том, что Софи считала, будто знает Грегга, как саму себя. Однако ей никогда не удавалось предугадать его реакцию. Она считала, что он попробует ее понять, а Грегг взбесился. Как она смеет раздумывать, когда дело касается его?! И кого ей теперь винить?

К членам семьи Гамильтон здесь относились как к королевским особам. А Софи Хольцхайм была всего лишь милой чудачкой, которую горожане по любили за то, что десять лет назад она прославила Шугар-Мейпл-Гроув, став финалисткой национального конкурса ораторов, где выступила с речью «Будни и праздники провинциальных городов».

Хотя Софи давно не носит пластинки для исправления прикуса и очки, от имиджа чудачки она так и не избавилась.

Поэтому она была поражена, когда Грегг Гамильтон обратил на нее внимание.

Конечно, его волновало мнение окружающих, и он всегда был скорее прагматиком, нежели романтиком, однако вряд ли это можно считать недостатками.

Но Софи не это беспокоило. Было в Грегге что-то такое, чему она не могла подобрать название, неуловимое и непонятное. Это сначала надоедало ей, затем смущало, потом раздражало и, наконец, разрушило ее судьбу.

Однажды настал момент, когда от душевных мук у нее началась бессонница, и она сказала Греггу осторожно и извиняющимся тоном, что не может понять, в чем дело, но чувствует, что их отношения неправильные и неполноценные. Софи сняла с пальца кольцо с огромным бриллиантом и вручила его Греггу.

Но она совсем не ожидала столь стремительного развития событий. Грегг немедленно нашел ей замену. Через несколько недель после того, как Софи вернула ему кольцо, по городку поползли слухи, что он встречается с новой девушкой.

Софи подумала, что Грегг просто хочет вызвать ее ревность – ведь их связывали серьезные отношения. Едва ли он способен так легко заменить ее другой.

Однако сегодня, получив приглашение на помолвку, она поняла, что он не старался заставить ее ревновать. Ей в самом деле нашли замену. Никаких шуток. Грегг не вернется к Софи никогда.

Это был конец их отношений.

Клаудиа посоветовала ей не вызывать жалость у окружающих. Разве Софи просит о жалости? Неужели кому-то хочется ее утешить?

Если бы Клаудиа Гамильтон увидела Софи сейчас, во время проведения своеобразного языческого ритуала, когда молодая женщина в подвенечном платье сжигала все напоминания о свадьбе, она непременно усомнилась бы в ее психическом состоянии.

– Я не пойду на торжество! – объявила Софи окрепшим голосом. – Ни за что. Никто согласие из меня клещами не вытянет. И наплевать мне на мнение Гамильтонов.

Вот так. Она насладились мгновением абсолютной свободы и уверенности в себе.

А потом снова пала духом.

– Что я наделала?! – завопила Софи. – Решила спалить воспоминания, – мрачно констатировала она.

Она сидела у костра, размышляя о своей безрассудности.

Внезапно у нее на затылке зашевелились волосы. Она почувствовала чье-то присутствие. Бархатная безмятежность летней ночи почти мгновенно улетучилась.

Кто-то вошел во двор. Вошел тихо и наблюдал за ней. Как долго он здесь находится? Кто это?

Софи осторожно повернула голову. Сначала она не увидела ничего, а затем разглядела черный силуэт мужчины.

Он молча стоял в воротах и, казалось, не дышал. Это был высокий, могучий, самоуверенный атлет, пластикой напоминающий пантеру.

Софи вздрогнула, но не от страха. Она узнала этого человека.

Несмотря на то что тьма скрывала его лицо и с тех пор, как они виделись, прошло восемь лет, Софи точно знала, кто он.

Это человек, разрушивший ее жизнь.

И не его имя значилось рядом с ее именем на образце свадебного приглашения.

Это был тот, о ком она вспоминала, когда заявила Греггу, что ей нужно подумать, прежде чем назначить дату свадьбы. Именно из-за него ее отношения с Гамильтоном казались ей неполноценными.

Его имя она не произносила даже мысленно. Но только он, Брэнд Шеридан, своенравный сын доктора и бродяга, пробуждал в ней желание.

Софи, конечно, понимала, что глупо отказываться от брака с Греггом, лелея возникшую в подростковом возрасте симпатию, которая переросла во всепоглощающее чувство, когда ей исполнилось пятнадцать лет.

Но это чувство было невозможно забыть. Оно сравнимо с еканьем в груди, когда прыгаешь с утеса, с волнующим ощущением застывшего мига между решением шагнуть вниз и соприкосновением с ледяной водой. Незабываемое чувство, бодрящее.

Брэнд всегда вызывал в ней подобные эмоции. Когда Софи исполнилось двенадцать лет, ее семья переехала в дом по соседству с Шериданами. Брэнду было тогда семнадцать.

Стоило только посмотреть на него, и весь день шел у девочки кувырком. Ее переполняли непонятное волнение и немыслимая надежда.

Софи любила мужчину, стоящего сейчас позади нее, так сильно, как способна любить только девочка-подросток. Ее любовь была нереальной, неистовой, безответной.

Зная, что Брэнд Шеридан испытывает к ней лишь симпатию, она любила его все сильнее вместо того, чтобы забыть о нем.

Софи ощутила знакомую дрожь в животе, когда он заговорил резким и сексуальным голосом:

– Какого дьявола?

Софи помнила его глаза цвета сапфира. Но сейчас, в темноте, они были черными. Глаза чернее летней ночи... Затуманенный взгляд полон новых тайн...

На мгновение Софи была совершенно парализована его взглядом. Но вот она пришла в себя и покачнулась.

Не в таком виде ей следовало предстать перед Брэндом Шериданом после его восьмилетнего отсутствия.

Софи направилась к дыре в заборе, пролезть через которую удалось бы ей, но не Брэнду. Но сначала нужно взять с собой эту чертову коробку.

Пусть горожане по-прежнему с нежностью думают о ней, как об их милой чудачке, потерпевшей неудачу на любовном фронте. Брэнду об этом знать незачем.

Софи повернулась, схватила коробку, а потом случилась беда. Она наступила на подол платья, которое специально не укорачивала, надеясь, что так будет выглядеть выше и стройнее, плавно скользя к алтарю.

Софи упала на землю лицом вниз. Коробка выскочила из ее рук, содержимое высыпалось, бумажки разлетелись.

Брэнд подошел к ней прежде, чем ей удалось перевести дыхание или подняться на ноги.

И вот он касается рукой ее обнаженного плеча и поворачивает лицом к себе. Она пристально смотрит на него, чувствует опалющее прикосновение его руки к своей нежной коже. И становится не важно, что произошло между ней и Греггом; Софи кажется, что она опьянела, выпив бутылку шампанского.

Мужчина уставился на нее, нахмурив брови; выражение его лица грозное, почти устрашающее. Неужели это Брэнд?!

Но потом суровые черты немного смягчились. Теперь он озадачен:

– Душистый Горошек?

Софи с упоением вглядывалась в Брэнда. Красотой он по-прежнему способен затмить солнце, но черты лица стали резче, а взгляд холоднее.

Брэнд убрал руку с плеча Софи, стер пятно с ее щеки.

Он, как и прежде, опекает свою постоянно влипающую в неприятности маленькую соседку. Он всегда поднимал Софи на ноги и отряхивал после очередного злключения. А она рядом с ним становилась неуклюжей, молчаливой и невезучей.

Испытывая унижение, Софи закрыла глаза. По правде говоря, после того, как Брэнд уехал из городка и поступил на военную службу, она миллион раз представляла себе его возвращение. Может быть, даже несколько миллионов раз. Однажды он вернется домой и увидит ее. Не застенчивую девочку-подростка с угловатой фигурой, а взрослую женщину.

Софи воображала, что его голос станет хриплым от изумления и восторга: «Софи, ты стала такой красивой!»

Однако все случилось совершенно иначе.

– Душистый Горошек, это ты?

Она продолжала смотреть на него, упиваться запахом его тела, его близостью и таинственностью.

Брэнд Шеридан всегда был чертовски сексуален. И суть не в том, что он умопомрачительно красив, ибо многие мужчины умопомрачительно красивы. Дело не в отменном телосложении, широких плечах, физической силе и потрясающей пластике, потому что многие мужчины обладают подобными достоинствами.

Нет, в нем было нечто иное, непонятное, дикое, отчего замирало сердечко Софи Хольцхайм.

Она и не помнила, чтобы он когда-нибудь был неловким подростком. С тех пор как Софи стала его соседкой, она начала с почитанием относиться к Брэнду, который был на пять лет старше ее.

Смешливый, беспечный Брэнд Шеридан не вписывался в стиль жизни сонного городка Шугар-Мейпл-Гроув. Он был слишком беспокойным, чересчур энергичным, склонным к авантюрам, фривольным и нетерпеливым.

Его отец, городской врач, был обычным человеком. Брэнд бросил вызов обыденности и отказался от будущего, уготованного ему отцом.

К ужасу доктора Шеридана, сын его пренебрег семейной традицией, бросил университет и отправился на военную службу. Он уехал из городка, как говорится даже не оглянувшись.

Вместе с родителями Брэнда Софи радовалась тому, что он благополучно вернулся на родину после четырехлетней военной службы за рубежом. Однако дома Брэнд так и не появился.

К ужасу его матери, Брэнда Шеридана зачислили в элитное международное военное соединение, известное как ГНР. Большую часть времени он жил и тренировался за границей или на Западном побережье США. Он постоянно рисковал жизнью, поскольку стал секретным агентом.

Софи знала, что Брэнд встречается со своими родителями в Калифорнии, Лондоне и Париже. Ей также было известно, что он время от времени появляется на семейных вечеринках в доме своей сестры Марси, в Нью-Йорке.

Годы шли, и становилось все очевиднее, что Брэнд Шеридан навсегда оставил Шугар-Мейпл-Гроув. Не нравились ему здешние развлечения, которые когда-то в «Буднях и праздниках провинциальных городов» описала Софи.

И все же горожане испытали шок, когда Брэнд не явился на похороны своей матери. Доктор Шеридан тогда убрал с каминной полки фотографию, на которой суровый Брэнд был запечатлен в форме военно-морского флота.

– Брэндон, – начала Софи, разволновавшись, так как поняла, что слишком долго изучает его. Она нарочно назвала Брэнда полным именем. Они оба повзрослели, так что пора забыть прозвище Душистый Горошек. – Я не ждала тебя. – Она тут же пожалела о сказанном. В его присутствии Софи всегда говорила не то, что следует. Значит, неуклюжий Душистый Горошек никуда не исчез.

Если бы она ждала Брэнда, не разгуливала бы посреди ночи в подвенечном платье.

«Хотя было бы мило встретить его именно в таком наряде», – мечтательно произнес в душе Софи неисправимый романтик, которого она решила прикончить сегодня ночью.

Вообразив Брэнда Шеридана своим женихом, молодая женщина вздрогнула. Она мельком взглянула на суровые черты его лица и постаралась представить, как они смягчатся от нежности.

Нежность слышалась в его голосе, когда он утешал ее после смерти родителей, называя Душистым Горошком...

Софи одернула себя. Тогда Брэнд проявил обычное сочувствие. Незачем путать сочувствие с тем глупым чувством, из-за которого она разрушила свою жизнь.

– Ждала кого-то другого? – поинтересовался Брэнд и протянул ей руку. Она оперлась на нее, стараясь игнорировать очередной приступ трепета от его близости.

Брэнд легко поднял Софи на ноги и принялся разглядывать.

– Нет-нет, – запротестовала она. – Просто, хм, жгла всякую ерунду.

– Ерунду? – произнес он, и едва заметная улыбка коснулась уголков его сурово сжатых губ.

Внезапно Софи осознала, что в данный момент она полностью соответствует оценке миссис Гамильтон, которая назвала несостоявшуюся невестку жалкой. Брэнд лишь прикоснулся к ее руке, а она испытала такие эмоции, которых с Греггом ни разу не пережила.

К тому же вот уже несколько месяцев на голове у нее творится черт знает что. И она даже не красится. Ну почему Брэнд вернулся домой, когда она в подвенечном платье устроила полуночный ритуал? Или ему судьбой предопределено появиться здесь и сейчас?

Как только Софи обрела равновесие, он отпустил ее руку и принялся поднимать рассыпавшиеся свадебные причиндалы, бросая их в коробку. Она с благодарностью взглянула на Брэнда, который даже не заинтересовался, что именно собирает.

Софи могла бы сбежать через дырку в заборе, но ей не хотелось оставлять коробку, а еще меньше хотелось уйти. Молодой женщине показалось, что она несколько дней страдала от жажды, а Брэнд стал источником чистой воды.

Несколько дней? Нет, дольше. Несколько месяцев. Несколько лет. Настрадавшись, она с жадностью наслаждалась близостью к нему.

Брэнд возмужал. Очарование юности уступило место чертовски привлекательной зрелости: широкие плечи, мускулистая грудь. Одет он был в консервативном стиле, хотя рубашка-поло с короткими рукавами подчеркивала потрясающие бицепсы и предплечья.

Софи затосковала по парню, который когда-то уехал из городка. Тот парень, который остался в ее памяти, отвергал традиции. Он любил кожаные куртки и мотоциклы.

К ужасу своей матери, он обожал рваные джинсы; порой разрезы на джинсах располагались в таких местах, при взгляде на которые сердечко юной Софи начинало биться в два раза чаще. Темные волосы Брэнда были слишком длинными, а на невероятно привлекательном лице красовалась щетина.

Теперь волосы короткие, а лицо гладко выбрито. Брэнд держится как дисциплинированный солдат: минимум движений мускулистого, грациозного и сильного тела.

И тут Софи заметила крошечное отверстие в его ухе.

Ох, парень! Тебя легко представить пиратом. Ты стоишь на мостике, скрестив сильные руки на широкой обнаженной груди; твой подбородок вздернут; ты бросаешь вызов устрашающим штормам...

«Прекрати», – уговаривала себя Софи. Боже, все эти годы она вела себя благоразумно! И едва не вышла замуж за самого благоразумного мужчину в мире.

Но вот появляется Брэнд Шеридан и разрушает все ее иллюзии. Оказывается, ей очень не хватает благоразумия и, вероятно, никогда не хватало.

Глава 2

Несмотря на решение ни о чем не расспрашивать Брэнда, Софи ахнула:

– Ты проколол ухо?

Было бы лучше, если бы она это не заметила. Или, по крайней мере, притворилась бы, что не заметила.

Брэнд нахмурился, не радуясь вопросу.

– Проколол, – сказал он, касаясь мочки уха. Тон его был таким, что задавать вопросы ей расхотелось, зато появилось желание слегка прикусить зубами эту самую мочку...

В школе Софи производила впечатление благопристойной девицы, которая определенно не склонна покусывать мочки ушей, а она только об этом и мечтала. Но одноклассникам незачем было знать об этом. Если бы им стали известны ее тайные романтические помыслы, Софи задразнили бы.

Кстати, ей ни разу не захотелось проделать нечто подобное с ушами Грегга. С ним она всегда вела себя пристойно. Но конечно же их отношениям не хватало яркости, и, вероятно, виноваты в этом недоступные мочки ушей Брэнда.

Особенно проколотые мочки!

Софи напомнила себе, что совершенно не знает мужчину, с которым встретилась в ночь сожжения своих планов на будущее.

Это был не тот человек, который много лет назад, в худший день ее жизни, назвал Софи Душистым Горошком хриплым от сострадания голосом.

Брэнд Шеридан был очень молод, когда покинул Шугар-Мейпл-Гроув. А Софи была беспечной девчонкой. К счастью, она еще не знала о том, какие несчастья выпадут на ее долю. Отец и мать Софи погибли, когда ей было восемнадцать лет...

Брэнд, не догадываясь о ее пристрастии к его ушам, поднял с земли очередной клочок бумаги и положил в коробку. Осмотрев двор, он повернулся к Софи.

На этот раз ее внимание переключилось с ушей Брэнда на его глаза, которые приобрели темно-сапфировый оттенок и уподобились глубокому таинственному океану.

Прежде Софи постоянно видела в глазах Брэнда лукавство и веселость; уголки его очень чувственных губ всегда были приподняты в дьявольской усмешке.

Сейчас Брэнд смотрел устало и настороженно. Его взгляд был непроницаемым, словно закрытым каким-то щитом.

А губы были сурово сжаты. Казалось, будто он никогда больше не улыбнется. Проказник-мальчишка, поймавший зловредного соседского сиамского кота и надевший на него детский чепчик перед тем, как отпустить, исчез. Перед Софи стоял воин, готовый к опасностям, неведомым жителям крошечного го родка.

Ей хотелось прикоснуться к его губам, словно таким образом она смогла бы почувствовать улыбку, игравшую на этих губах прежде. Ей не терпелось спросить, что же с ним произошло.

К счастью, Софи совладала с эмоциями до того, как выставила себя дурой.

– Спасибо, Брэндон, – сказала она и выхватила коробку из его рук. Поняв, что ведет себя чересчур сухо, она прибавила: – Я упомяну тебя в своем завещании.

«Прекрати, – мысленно приказала она себе. – Прекрати сейчас же!»

Однако на губах Брэнда мелькнула едва заметная улыбка.

– Так ты благодарила меня и раньше, – насмешливо заметил он. – Когда я спасал тебя.

– У меня был дар влипать в истории, – неохотно признала она.

– Помню. Как звали того парня, который преследовал тебя до самого дома после игры в парке Харрисон?

– Не помню, – солгала Софи.

– Нед?

– Нелберт. – Она не забыла тот случай.

– Почему он гнался за тобой?

– Не помню.

– Секундочку. Я помню! Ты сказала ему, что он глупее собаки, которая носится за скунсами. – Брэнд хмыкнул. – Верно?

– Я думала, что если скажу это по-японски, то проблем не будет. Оказалось, он все понял по интонации.

Нелберт практически дышал ей в затылок. Софи уже приготовилась распрощаться с жизнью, когда с крыльца своего дома спустился Брэнд. Скрестив руки на груди, он встал на дороге и улыбнулся.

Он ничего не сделал, но ему и не надо было ни чего делать. Нелберт замер как вкопанный, а потом скрылся, не посмев хотя бы злобно взглянуть на Софи. С тех пор он не осмеливался даже критиковать ее.

– Японский язык, – протянул Брэнд. – Ты всегда была оригиналкой.

Оригиналка?! Ну, спасибо.

– Итак, что ты делаешь во дворе моего отца в этой... – он внимательно посмотрел на нее, – ночной рубашке?

– Неужели не понятно? Оригинальничаю.

Ага. Зря Софи считала, что ей не за что благодарить судьбу. Если верить Брэнду, на свадебной церемонии ей пришлось бы предстать перед всем городом в платье, похожем на ночную рубашку. Софи беспечно продолжила:

– Я просто собиралась сжечь всякую ерунду. – Она принялась двигаться к дыре в заборе.

Мужчины вроде Брэнда Шеридана сродни наркотикам. Он способен заставить ее позабыть о намерении попрощаться с романтическими фантазиями.

Не хватало еще продолжать в них верить. Такой мужчина, как Брэнд, может заставить Софи Хольцхайм, решившую стать реалисткой, капитулировать и склониться к безволию. А безволие подразумевает грезы о пиратах, покусывании мочек ушей и вечной любви.

– Ты сжигаешь ерунду в... – Он взглянул на часы и нахмурился. – В полночь? – Хмурясь, Брэнд посмотрел на дом. – Мой отец знает, что ты здесь?

– Его нет. – Она сделала еще один шаг к забору. – Он не знает о твоём приезде?

Доктор Шеридан ухаживал за бабушкой Софи, приехавшей из Германии после смерти ее родителей. В своих посланиях Софи заявляла, что у нее все прекрасно. Но бабушка на то и бабушка, чтобы читать между строк и понимать, что дела у внучки идут из рук вон плохо и надо ехать и откармливать девочку шницелями и прочей вкуснятиной.

Отличная готовка бабушки помогла оправиться от горя не только Софи, но и доктору Шеридану, потерявшему жену.

В эти выходные ее бабушка и отец Брэнда отправились на спектакль по пьесе Шекспира в соседний городок и собирались переночевать там.

Софи не интересовало, поселятся они в одном или в разных номерах отеля. Однако она не считала себя вправе посвящать Брэнда в любовные похождения его отца.

– Я предполагал сделать ему сюрприз, – сказал Брэнд.

В его словах слышался подтекст, он произнес их мрачно, и Софи сочла, что ему известно об убранный с каминной полки фотографии.

Запах его тела, подобно дурману, лишил ее решимости, однако не следовало забывать, что этот человек не приехал даже на похороны собственной матери.

– Твой папа вернется домой завтра. – Софи вспомнила, который сейчас час. – Вернее, сегодня. Уже наступило воскресенье.

Ну почему умная, умеющая хорошо выражать свои мысли женщина становится дурой всякий раз, когда открывает рот в его присутствии?

Ведь ей уже не пятнадцать лет.

– Представляю, как он удивится! – громко и весело произнесла она. Налетевший ветер подхватил забытую на земле фотографию, покружил и опустил к ногам Брэнда. Подняв снимок, он выпрямился, осмотрел его и молча вручил Софи.

Это был снимок интерьера каменной часовни. Невеста преклонила колени у алтаря, а ее платье струится вниз по ступеням.

Невеста в одиночестве. Раньше эта фотография казалась Софи очень романтической и умиротворяющей. В свете новых обстоятельств невеста на снимке выглядела покинутой. Да, следовало аккуратнее подбирать вырезки из журналов.

Сняв фотографию, Софи швырнула ее в коробку.

– Ведь это не ночная рубашка, Душистый Горошек, – неожиданно мягко произнес мужчина с суровыми чертами лица и циничным взглядом.

Именно таким тоном он говорил с ней в ту ночь, когда погибли ее родители.

Софи решила игнорировать его пиратское очарование.

– Нет, – согласилась она и вздернула подбородок. – Это не ночная рубашка.

– В этом ты собираешься выходить замуж? – В его голосе послышались знакомые дразнящие нотки, совсем не подходящие новой внешности Брэнда.

Неужели он совсем не общается с отцом? Разве доктор Шеридан не сообщает сыну городские новости? Слухи, сплетни, рождение детей, свадьбы, разводы – именно этим живут провинциальные городки.

И все же было нечто приятное в общении с единственным человеком, который не косился сочувственно в ее сторону потому, что Грегг предпочел ей другую.

– Я выхожу замуж за Мистерию Ночи, – торжественно проговорила Софи. – Это древняя традиция, восходящая к временам, когда поклонялись богине.

Ну вот, она опять несет чепуху!

Брэнд одарил ее мимолетной улыбкой, и темные круги под его глазами исчезли.

– Душистый Горошек, ты всегда была чудачкой.

– Да, знаю, оригиналкой.

– Ты не представляешь, как редко встречаются такие люди! – Его взгляд снова стал грустным.

Софи хотелось посидеть с ним у костра и выслушать его рассказ о знакомых оригиналах. Хотелось рассмешить Брэнда и вновь ощутить его прикосновение...

Брэнд был ее слабостью, а она решила быть сильной и независимой.

– Спокойной ночи, – твердо сказала Софи и наконец полезла через дырку в заборе. Ей стало тошно, когда платье зацепилось за один из прутьев.

Софи замерла, потом подалась вперед и поняла, что оказалась в ловушке. Хотя платье больше ей не нужно, не стоит портить его, чтобы высвободиться.

Что теперь? Если она наклонится и поставит коробку на землю, то, вероятно, порвет платье. Софи покосилась через плечо на Брэнда, надеясь, что он ретировался после прощания. Однако Шеридан стоял на том же месте, скрестив руки на мускулистой груди, и с изумлением наблюдал за Софи.

Когда он появляется рядом, все в ее жизни идет наперекосяк.

Она чуть попятилась назад, надеясь, что ей удастся отцепиться, но вместо этого задела еще и другой прут.

И вот теперь Софи боится пошевелиться, иначе окончательно испортит платье. Конечно, можно бросить коробку, но тогда ее содержимое снова окажется на земле.

Казалось, прошел час, пока она обдумывала дальнейшие действия. Джентльмен давно понял бы, что ей нужна помощь.

Но Брэнд никогда не был джентльменом. Софи в очередной раз убедилась в этом, украдкой взглянув на него.

Он с наслаждением наблюдал за бесплодными попытками Софи. Его плечи подрагивали от смеха, хотя он старался сохранять непроницаемое выражение лица.

– Можешь дать мне руку? – рявкнула Софи.

Она слишком поздно сообразила, что зря подозвала его. Лучше бы она порвала платье или швырнула на землю коробку.

Он подошел и встал у ее плеча. Она вдохнула теплый, соблазнительно-мужской аромат Брэнда, а его дыхание согревало ее затылок.

Тело Софи мгновенно покрылось мурашками.

Брэнд, естественно, заметил это.

– Ты замерзла, Софи? – шепотом спросил он, отчего мурашек на ее теле стало еще больше.

– Сейчас по ночам прохладно, – пробормотала она.

Брэнд коснулся ее рукой, и она вздргнула. Он тихо рассмеялся, отлично зная, какие чувства вызывает у женщин. А Софи, ревнуя, поняла, что он не в первый раз возится с женской одеждой.

Брэнд прикоснулся к ней, словно к израненной, испуганной птице, невероятно осторожно освобождая платье Софи.

«Сердцеед со стажем», – подумала она.

– Вот так, – произнес он.

Она заскрежетала зубами:

– Мне кажется, я зацепилась еще и низом лифа. Слева.

Он нащупал в темноте талию Софи и быстрым движением освободил молодую женщину. Она рванула в сторону, не поблагодарив его и не оглянувшись.

Послышалось хихиканье Брэнда.

– Кстати, Душистый Горошек, ты не можешь выйти замуж этой ночью. Ты обещала, что дождешься меня.

Да, она обещала. Однажды ночью, сочиняя безрассудное письмо Брэнду, переполняемая эмоциями и тоской юная Софи пообещала любить его вечно.

– Брэнд Шеридан, – отозвалась Софи, радуясь тому, что их разделяет расстояние, а темнота не позволяет всевидящему Брэнду разглядеть ее, – не смей смущать меня напоминаниями о том, как я вела себя в пятнадцатилетнем возрасте!

– Я любил тебя, пятнадцатилетнюю.

Очередное испытание: черное небо, усеянное звездами, костер, Софи, одетая в подвенечное платье, и слова Брэнда.

– Не любил, – возразила она. – Ты считал, что я тебя донимаю, и злился.

Услышав его смех, она едва не полезла вновь во двор Шериданов, но все-таки побежала прочь. Софи Хольцхайм не поддастся его чарам.

Пора избавиться от любви к нему. Возможно, хорошо, что Брэнд Шеридан вернулся домой.

Надо окончательно распрощаться с прошлым и только потом строить планы на будущее. Может быть, поэтому у Софи не сложились отношения с Греггом.

Не обращая внимания на смех Брэнда и свое желание увидеть, какой у него сейчас взгляд, Софи удирала к себе. Ворвавшись в дом, она со стуком захлопнула дверь.

* * *

Подходя к отцовскому дому, Брэнд испытывал странное ощущение, не посещавшее его давным-давно.

И внезапно он понял, почему у него на душе так легко. Софи Хольцхайм, Душистый Горошек, была такой же забавной, как прежде. То, что она чудила неумышленно, делало ее еще забавнее.

– Сжигает всякую ерунду и выходит замуж за Мистерию Ночи, – пробормотал он и печально покачал головой.

«Но при этом в ней появилось то, что забавным не назовешь», – подумал Брэнд, ощупывая обшивку парадной двери в поисках спрятанного ключа. Душистый Горошек стала похожа на богиню.

Он даже не понял, как догадался, что видит перед собой Софи. Она очень изменилась. Брэнд помнил веснушчатое лицо, вечно всклокоченные ярко-рыжие волосы; Софи постоянно обгорала на солнце и была покрыта ссадинами. Он вспоминал ее очки, острые локти и коленки, то, как она закрывала рот рукой, когда улыбалась, чтобы не было видно металлических пластинок для исправления прикуса.

Она была серьезной девчонкой с нахмуренными бровями и такой рассудительной, что Брэнд порой терялся и смущался, чувствуя себя глупцом.

Будучи на пять лет старше, он защищал свою смешную маленькую соседку от хулиганов, лечил ее ссадины и терпимо относился к ее влюбленности в него.

Первый год службы в армии он получал от нее письма в конвертах, подписанных девичьим почерком чернилами разных цветов. Сначала она сообщала городские новости, сплетни, но в конце концов, пользуясь разделяющим их расстоянием, стала признаваться ему в любви, обещала ждать, умоляла прислать ей фотографии.

Брэнд считал, что поступит верно, если будет полностью игнорировать Софи.

Он связался с ней лишь однажды, через несколько лет после отъезда. Брэнд позвонил Софи после гибели ее родителей на железнодорожном переезде. Тогда ей было всего восемнадцать, и он переживал из-за невозможности быть рядом с бедняжкой.

Он служил тогда за границей, на военной базе с единственной телефонной линией. Его мать отправила ему сообщение по электронной почте через несколько минут после трагедии. Брэнд ждал на линии несколько часов, чтобы связаться с Софи и сказать ей слова утешения, однако вместо этого он, находясь в нескольких тысячах миль от нее, назвал Софи Душистым Горошком.

Брэнд считал, что равнодушен к этой девушке, но в ту ночь, во время телефонного разговора, он почувствовал, будто сердце его разбилось. Хоть он и притворялся безразличным, глаза молодой соседки по имени Софи не давали ему покоя.

Огромные глаза орехового цвета... Их красоту не могли скрыть даже очки. Было во взгляде Софи нечто, приводящее в смятение, говорящее о мудрости и спокойствии. Словно она, смотря на человека, узнавала те его тайны, в которых он еще не признался самому себе.

Встретившись с ней сегодня вечером, прикоснувшись к ней, он понял, что Софи стала необыкновенно привлекательной.

Ее волосы приобрели красновато-коричневый оттенок. Хотелось погладить их, чтобы понять, то ли они из огня, то ли из шелка, то ли из того и из другого одновременно.

Брэнд не увидел на ее лице веснушек, словно их никогда там не было. Кожа Софи приобрела красивый кремовый оттенок.

Платье отлично подчеркивало ее фигуру. Если бы он не узнал Софи, то стал бы пялиться на ее грудь.

Однако в глубине души Брэнд по-прежнему оставался парнем, который вставал между ней и ее мучителями. А в городке многие издевались над Софи из-за успеха ее речи «Будни и праздники провинциальных городов», правда, тех, кто радовался за нее, тоже было предостаточно.

Она никогда никому не уступала. Эта девочка обладала даром говорить неподобающие вещи в неподобающее время.

Брэнд знал всех ее немногочисленных поклонников, изо всех сил стараясь отпугнуть их, и по собственной инициативе дал ей совет:

– Душистый Горошек, все мужчины негодяи.

– Даже ты?

– Особенно я.

Брэнд был для Софи старшим братом, в котором она отчаянно нуждалась...

Душистый Горошек по-прежнему живет по соседству. Изменилось ли что-нибудь в Шугар-Мейпл-Гроув?

Да, изменилось. Потому что Софи не та, какой он ее запомнил. Изменился и сам Брэнд. Больше он не ощущает себя ее старшим братом.

Восемь лет он не был здесь. Семейные торжества отмечались в доме сестры в Нью-Йорке, а родители встречались с ним в Калифорнии и Европе.

Внезапно Брэнд вспомнил, как по-детски радовалась его мать, оказавшись в Диснейленде, как понравились ей аттракционы.

Мама...

На душе стало тяжело. На этой веранде мать ждала его возвращения домой в условленный час, а он всегда приходил позже, не заботясь ни о чем.

Сегодня ночью городские улочки были тихими; бульвары и огромные дворы, засаженные травой и огороженные выкрашенными в белый цвет заборчиками, были абсолютно пусты.

Люди мирно спали в домах под крытыми мхом крышами, а на открытых окнах трепетали занавески.

Это был городок с красивой почтовой открытки в духе провинциальной Америки. Брэнд поклялся ценой жизни защищать подобные городки, но по иронии судьбы в юности не мог дожидаться, когда уедет отсюда.

Стоя на веранде отчего дома, Брэнд отыскал ключ в привычном месте. Он практически ощущал аромат земляничного лимонада, приготовленного матерью.

Отец откровенно заявил Брэнду, что никогда не простит его за то, что он не был на похоронах матери.

Доктору Шеридану было наплевать, что его сын находился в глубоком подполье; он не верил, что можно сделать карьеру, гоняясь по всему миру за плохими парнями, и не считал такую работу благородным делом.

Отцу было невозможно объяснить, что, если бы Брэнд приехал на похороны матери, операция под прикрытием, проводимая в течение нескольких лет, пошла бы прахом. Многие люди оказались бы в опасности.

– Не хочу слышать твоих оправданий, – заявил доктор Шеридан, когда Брэнд последний раз звонил ему.

Сестра уговорила Брэнда отправиться в родительский дом. Она рассказала о происшествии на кухне – пожаре из-за оставленной без присмотра на плите сковороды.

У сестры Брэнда были резонные сомнения по поводу того, что их семидесятитрехлетний отец, который никогда не занимался готовкой и домашними делами, научится делать это теперь.

Именно поэтому он и приехал.

Войдя в дом, Брэнд, не включая освещения, поднялся по лестнице в комнату, которая когда-то принадлежала ему.

Не успел он войти в дверь, как наткнулся на открытую коробку с футбольными трофеями и школьными фотографиями, поверх которых лежало его фото, когда-то стоявшее на каминной полке.

Скинув ботинки, Брэнд плюхнулся на кровать и слегка закашлялся от поднявшегося в воздух облачка пыли. Он закрыл глаза. Запах дома, порождающий мучительные воспоминания, напомнил ему о его миссии.

Брэнд открыл глаза, заметил отблеск на потолке и понял, что костер на заднем дворе по-прежнему горит.

А ведь Душистый Горошек плакала...

Внезапно он все понял. Сегодня ночью она не выходила замуж, а старалась отвлечься от реальности, используя свою легендарную смекалку. На заднем дворе дома его отца в полночь Софи в подвенечном платье жгла свадебные принадлежности, потому что кто-то разбил ее сердце.

Но вместо того, чтобы посочувствовать ей, Брэнд обрадовался. Он не хотел, чтобы Душистый Горошек выходила замуж без его благословения. Казалось, восьми лет разлуки как не бывало. Он снова вживался в привычную роль.

Только на этот раз, думая об огромных глазах Софи и округлой груди под тонкой тканью платья, Брэнд не ощущал себя ни старшим братом, ни защитником. Похоже, ему придется защищать Софи от него самого.

Глава 3

– Думаю, мне нужно вызвать полицию, – произнес отец Брэнда, стоя на пороге спальни. – незаконное вторжение по-прежнему карается законом.

Брэнд повернулся, вздрогнул от яркого света, заливавшего комнату, посмотрел на отца, затем на часы. После рассказов сестры он ожидал увидеть отца постаревшим, измотанным и с седой шевелюрой а-ля Альберт Эйнштейн.

Роскошные серебристо-седые волосы доктора Шеридана были тщательно причесаны, он выглядел почти щеголем в темных брюках, свежей белой рубашке и жилете того же оттенка, что и брюки.

– Нет незаконного вторжения, если открываешь дверь ключом, – мягко проговорил Брэнд. – Привет, пап.

Было почти полдень. Брэнд проспал около двенадцати часов.

– Хм. Полагаю, в криминальных штучках ты эксперт. Если я вызову полицию, то ты, вероятно, сунешь им в нос свое удостоверение. Возможно, они арестуют меня. Решил сослать отца в дом престарелых? Ты ведь для этого приехал?

Еще чуть-чуть – и начнется скандал. Но Брэнд не намерен его допустить. Абсолютно бесполезно объяснять отцу, что он не полицейский и у него нет удостоверения. Брэнд был секретным агентом. Но для отца имело значение лишь то, что сын не стал врачом.

– Как поживаешь, пап?

– Пожар мог приключиться в любом доме, – бросился в атаку отец. – Тебя прислала сестра, – констатировал он.

Брэнд с облегчением отметил, что голова у отца явно в порядке, поскольку старик сразу все понял.

– В этом доме можно выпить кофе? – поинтересовался он.

– Готовь свой чертов кофе сам, – фыркнул отец. – Я пью кофе по соседству.

– У Софи? – спросил заинтригованный Брэнд.

Шеридан-старший не ответил. Он одарил сына мрачным взглядом, давая понять, что не намерен распивать с ним кофе, и со стуком захлопнул дверь спальни.

«Все не так уж плохо», – решил Брэнд.

Доктор Шеридан не приказал сыну убираться вон. Возможно, им удастся договориться.

– Зачем я в это ввязался?

Он знал, что рано или поздно приедет домой. Случилось так, что ему необходимо залечь на дно. Боже, только бы Шугар-Мейпл-Гроув оказался безопасным местом! Словно в подтверждение этого, вдали послышался мирный колокольный звон.

Брэнд поднялся и от души потянулся, ощущая себя хорошо отдохнувшим.

Работая четыре года в глубоком подполье, под чужим именем, вращаясь в мире богатства и криминала, человек способен потерять себя. И еще Брэнд почти не спал все это время. Он постоянно был настороже, ненавидя жизнь, которую вел. Ему приходилось располагать к себе людей, а потом сдавать их.

То был не он, а персонаж по имени Брайан Ланкастер. Однако Брэнд невольно идентифицировал себя с ним.

Теперь, хорошо выспавшись, он ощущал себя прежним Брэндом Шериданом. Или это произошло потому, что он увидел отражение себя прежнего в огромных, орехового цвета глазах Софи?

– Кто бы мог подумать, что я буду считать драгоценностью хороший ночной сон, тогда как большинство людей ценят золото? – пробормотал он.

Приняв душ и одевшись, Брэнд спустился вниз, отыскивая доказательства того, что его отец не может обходиться без помощи.

В доме следовало сделать ремонт, но доктор Шеридан никогда не умел вести хозяйство; он изумился, когда юный Брэнд стал ловко орудовать молотком.

Опасения Марси, сестры, были весьма неопределенными. Она говорила брату:

– Если что-то в доме не так, ты поймешь. Например, рукавицы в холодильнике.

– Рукавиц в холодильнике нет, – открывая дверцу холодильника и заглядывая внутрь, сказал Брэнд. – Еды тоже.

Он вышел из дома и направился к маленькому спортивному автомобилю, который купил перед перевоплощением в Брайана Ланкастера. Эта машина Ланкастеру очень подходила, поэтому Брэнд не мог дожидаться, когда избавится от нее.

Но до автомобиля он так и не дошел.

– Парень! Ты! Вернулся!

С веранды соседнего дома ему махала пожилая женщина в щегольской красной шляпе. Там же он увидел своего отца и Софи и вспомнил, что по воскресеньям в Шугар-Мейпл-Гроув накрывают поздний завтрак на верандах.

Брэнд медлил всего мгновение. Ему захотелось увидеть Софи при свете дня, поэтому он полез через дыру в заборе и по профессиональной привычке отметил, что тропинка между домами хорошо утоптана. Значит, соседи часто ходят туда-сюда.

Веранда дома Софи была оформлена в американском стиле: темные стены, темная плетеная мебель с ярко-желтыми полосатыми подушками, деревянный пол, выкрашенный в серый цвет, пурпурно-белые петунии.

Несмотря на присутствие отца и пожилой дамы, Брэнд видел перед собой только Софи. Прошли годы, и очаровательная маленькая чудачка превратилась в настоящую красавицу.

– Доброе утро, Душистый Горошек, – поздоровался Брэнд, усаживаясь на свободное место рядом с ней.

– Не называй меня так, – попросила она и прибавила: – Брэндон, это моя бабушка, Хильда Хольцхайм.

– Рада видеть тебя, но моя внучка сегодня утром не похожа на горох. – Пожилая женщина говорила с сильным акцентом. – Она, скорее, напоминает кислую сливу.

Брэнд сообразил, что акцент немецкий, и приготовился заговорить с бабушкой Софи на ее родном языке, которым владел свободно, но Софи опередила его.

– Бабуль, он имеет в виду не лущеный горох, а цветок. – Софи покраснела.

Итак, с Брэнда сняли тяжелое бремя пускаться в объяснения.

– О! – Фрау Хольцхайм округлила глаза и спросила по-немецки: – Он сравнивает тебя с цветком? Как романтично!

Брэнд решил, что будет забавнее, если он притворится непонимающим. Его отец, считающий единственно достойной карьеру врача, не подозревал, что его сын в совершенстве владеет несколькими иностранными языками.

Решение Брэнда принесло плоды немедленно. Хильда повернулась к Софи и быстро заговорила на родном языке:

– Ах, прекрасно! Ты и он. Красивые малыши.

Софи мельком взглянула на Брэнда, старательно изображавшего непонимание.

– Что она сказала? – невинно спросил он.

На Софи была белая футболка и шорты. Ее густые волосы были взъерошены после сна и перехвачены резинкой. Косметика на лице отсутствовала.

Казалось, что ей шестнадцать лет. Но Брэнд помнил, что шестнадцатилетняя Софи выглядела иначе, ибо у него имелась фотография с ее дня рождения, на которой был запечатлен неуклюжий гадкий утенок.

Очевидно, Софи принадлежит к тому разряду женщин, которые с годами только ращивают и по неизвестной причине выглядят молодыми и свежими даже в пятьдесят лет.

– Она сказала, что ты не похож на человека, любящего цветы. – Софи бросила на Хильду предупредительный взгляд.

– А на кого я похож? – поинтересовался Брэнд у фрау Хольцхайм.

Ему нравилась близость Софи. Как же ему не хватало таких посиделок на веранде с девушкой без макияжа и парфюма, да еще и непричесанной.

Софи скромно спрятала обнаженные ноги под столом. Но Брэнд заметил, что ногти на ее ногах окрашены в бледно-розовый цвет.

В мире Брайана Ланкастера о скромности и понятия не имели. Вокруг властных богачей роились женщины, стремящиеся стать моделями или актрисами.

Они были загорелыми, стройными, неестественно красивыми, чересчур ярко покрашенными и почти раздетыми. Брэнд сомневался, что за четыре года работы под прикрытием ему довелось встретить хотя бы одну женщину с натуральным цветом волос. Эти дамочки отличались поверхностностью взглядов, меркантильностью и изворотливостью. Четыре года Брэнд жил в окружении членов международной мафии. Его коллеги завидовали тому образу жизни, который он вынужден был вести, но Брэнда мутило от всего этого.

Тогда он не позволял себе вспоминать, что где-то живут женщины, которым наплевать на дорогие украшения, дизайнерскую одежду, вечеринки, не говоря уже о распутстве. Древние римляне сочли бы себя святыми, узнай они, что творится в наше время...

– Ты похож на того, – начала Хильда по-английски, затем перешла на немецкий язык, – кто поцелует превращает свинец в золото.

– Бабуля говорит, что ты похож на человека с хорошим аппетитом, – тут же бодро перевела Софи. – Она хочет, чтобы ты поел.

На столе были круассаны, сдобные булочки, домашний джем, свежие фрукты, холодный сок. Простая еда была мила Брэнду.

У него заурчало в животе, а пожилая женщина в красной шляпе свирепо уставилась на свою внучку, одобрительно улыбнулась Брэнду и налила ему сок и кофе.

– Поешь, – настаивала Хильда, переходя на немецкий. – Мужчине вроде тебя нужно быть сильным.

– Прекрати, – по-немецки попросила ее Софи. – Веди себя прилично.

– Интересно, кто из нас старуха? – упорствовала бабушка. – Только взгляни на его губы. Брэнд заметил, что Софи посмотрела на его губы и быстро отвела взгляд.

– При виде таких губ любая женщина... – Хильда подыскивала нужное слово в немецком языке, потом выпалила по-английски: – Упадет в обморок.

Софи густо покраснела:

– Она говорит, что малиновый джем настолько вкусен, что можно упасть в обморок.

Пожилая женщина изучала губы Брэнда:

– Да, до смерти хочется.

Он рассмеялся:

– Значит, джем отличный.

Брэнд посмотрел на доктора Шеридана, который сидел, упрямо скрестив руки на груди и не разделяя веселья. Он старательно выискивал странности в поведении отца, но старик выглядел свежее, чем в прежние времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.